

Часть первая

ГОЛОВА БЕЗ МИРА

Прогулка

- Что ты здесь делаешь, мальчик?
- Ничего.
- Почему же ты здесь стоишь?
- Просто так.
- Ты уже умеешь читать?
- Умею.
- Сколько тебе лет?
- Девять исполнилось.
- Что бы ты выбрал — шоколадку или книгу?
- Книгу.
- Правда? Молодец. Поэтому, значит, ты и стоишь здесь?
- Да.
- Почему ты не сказал это сразу?
- Отец ругается.
- Вот оно что. Как зовут твоего отца?
- Франц Метцгер.
- Тебе хочется поехать в какую-нибудь незнакомую страну?
- Да. В Индию. Там водятся тигры.
- Еще куда?
- В Китай. Там есть огромная стена...
- Ты, наверно, не прочь перелезть через нее?
- Она слишком толстая и большая. Через нее не перелезешь. Для того ее и построили.
- Все-то ты знаешь! Ты много читал.

— Да, я читаю всегда. Отец отнимает у меня книги. Мне бы в китайскую школу. Там выучивают сорок тысяч букв. Они даже в книге поместиться не могут.

— Это тебе только кажется.

— Я высчитал.

— Но это не так. Оставь эти книги в витрине. Это все дрянь. У меня в портфеле есть кое-что получше. Погоди, покажу. Знаешь, что это за буквы?

— Китайские! Китайские!

— Ты, однако, смысленый мальчик. Ты уже когда-нибудь видел китайскую книгу?

— Нет, я догадался.

— Эти два иероглифа означают Мэн-цзы, философ Мэн. Он был великий китаец! Он жил две тысячи двести пятьдесят лет назад, а его все еще читают. Запомнишь?

— Да. А сейчас мне надо идти в школу.

— Ага, значит, по дороге в школу ты осматриваешь книжные лавки? А как зовут тебя самого?

— Франц Метцгер. Как и отца.

— А где ты живешь?

— Эрлихштрассе, двадцать четыре.

— Я тоже ведь там живу. Что-то я не припоминаю тебя.

— Вы всегда отводите глаза, когда кто-нибудь идет по лестнице. Я вас давно знаю. Вы господин профессор Кин, но вы не учите. Мать говорит, что вы никакой не профессор. А я думаю — профессор, потому что у вас есть библиотека. Такого нельзя и представить себе, говорит Мария. Это наша прислуга. Когда я вырасту, у меня будет библиотека. Там будут все книги, на всех языках, и такая китайская тоже. Теперь мне надо идти.

— Кто же написал эту книгу? Еще не забыл?

— Мэн-цзы, философ Мэн. Ровно две тысячи двести пятьдесят лет тому назад.

— Прекрасно. Можешь как-нибудь прийти ко мне в библиотеку. Скажи экономке, что я разрешил. Я покажу тебе виды Индии и Китая.

— Вот хорошо! Приду! Приду непременно! Сегодня днем?

— Нет, нет, мальчик. Мне надо работать. Не раньше, чем через неделю.

Профессор Петер Кин, длинный, тощий человек, ученый, синолог по специальности, сунул китайскую книгу в набитый портфель, который он носил под мышкой, и тщательно запер его. Он смотрел вслед этому умному мальчику, пока тот не скрылся. От природы несловоохотливый и угрюмый, он корил себя за этот разговор, который завел без важной причины.

Во время своих утренних прогулок между семью и восьмью он обычно заглядывал в витрины каждой книжной лавки, мимо которой проходил. Чуть ли не с удовольствием отмечал он, что макулатура и бульварщина распространяются все шире и шире. У него самого была самая значительная частная библиотека в этом большом городе. Крошечную часть ее он всегда носил с собой. Его страсть книголюба, единственная, которую он позволил себе в своей строгой и трудовой жизни, заставляла его принимать меры предосторожности. Книги, даже скверные, легко соблазняли его купить их. Большинство книжных лавок открывалось, к счастью, лишь после восьми. Иногда какой-нибудь мальчик-ученик, старавшийся войти в доверие к начальнику, появлялся раньше и дожидался первого служащего, у которого торжественно принимал ключи. «Я здесь уже с семи!» — говорил он, или: «Я не могу войти!» Подобное усердие легко заражало такого человека, как Кин; ему стоило усилия тут же не последовать за служащими. Среди владельцев лавок поменьше часто встречались ранние пташки, которые возились за уже открытыми дверьми с половины восьмого. Наперекор этим соблазнам Кин гордился своим туго набитым портфелем. Он плотно прижимал его к себе особым способом, который придумал, чтобы с портфелем соприкасалась как можно большая площадь тела. Ребра осызали его через тонкий, плохой ко-

стюм. Верхняя часть руки лежала в боковой ложбинке; она точно входила в нее. Предплечье поддерживало портфель снизу. Растопыренные пальцы доставали до любой плоскости. Свой педантизм он оправдывал перед собой ценностью содержимого. Упав портфель случайно на землю, откройся замок, который он каждое утро, выходя, проверял, именно в этот опасный миг, — драгоценные произведения погибли бы. Ничто ему не было так отвратительно, как грязные книги.

Когда он сегодня, возвращаясь домой, остановился перед одной витриной, между нею и им вдруг втиснулся мальчик. Кин воспринял это как невоспитанность. Места ведь хватало. Он всегда становился на расстоянии одного метра от стекла; тем не менее он без труда читал любые буквы в витрине. Глаза его служили безотказно — для сорокалетнего человека, день-деньской сидящего над книгами и рукописями, факт немаловажный. Каждое утро глаза доказывали ему, как хорошо обстоит с ними дело. В такой отдаленности от продажных и публичных книг выразилось и его презрение, которого они, если сравнить их с неприступными и нелегкими сочинениями его библиотеки, в высокой мере заслуживали. Мальчик был мал, Кин — длины необыкновенной. Заслонить ему витрину мальчик не мог. Но Кин ожидал все-таки большей почтительности. Прежде чем отчитать мальчика, он отошел в сторону, чтобы рассмотреть его. Глядя на заглавия книг, мальчик медленно и беззвучно шевелил губами. Он терпеливо переводил взгляд от тома к тому.

Каждую минуту он поворачивал голову назад. На другой стороне улицы над лавкой часовщика висели огромные часы. Было без двадцати восемь. Малыш явно боялся прозевать что-то важное. Стоявшего позади себя он не замечал. Может быть, он упражнялся в чтении. Может быть, заучивал наизусть названия. Он обходился с ними ровно и беспристрастно. Сразу было видно, где он на миг задерживался.

Кину стало жаль его. Малыш тратил на эту пошлятину свой свежий, уже, может быть, жадный до чтения ум. Иные ничтожные книги он прочтет в более поздние годы лишь потому, что ему сызмала знакомы их названия. Как ограничить восприимчивость первых лет? Стоит ребенку научиться ходить и читать по складам — и он уже отдан на произвол любой скверно вымощенной улице, товару любого торговца, который черт знает почему метнулся на книги. Мальчишкам надо бы расти в солидных частных библиотеках. Каждодневное общение только со строгими умами, умная, сумрачная, спокойная атмосфера, упорное привыкание к безупречному порядку в пространстве и времени, — какое другое окружение более способно помочь столь нежным созданиям справиться с их молодостью? Единственным в этом городе владельцем серьезной частной библиотеки был, однако, сам Кин. Он не мог пускать к себе детей. Его работа не разрешала ему никаких отклонений. Дети шумят. Ими нужно заниматься. Для ухода за ними нужна жена. Для приготовления пищи достаточно обыкновенной экономки. Для детей надо заводить мать. Если бы мать была только матерью; но какая же удовольствуется своей истинной ролью? Каждая по своей главной специальности — *женщина* и предъявляет требования, исполнять которые честному ученому и во сне не придет в голову. Кин отказывается от жены. Женщины были ему до сих пор безразличны, безразличны будут и впредь. Поэтому мальчик с неподвижными глазами и подвижной головой останется обделен.

Из жалости он заговорил с ним, вопреки своему обыкновению. Он рад был бы откупиться шоколадкой от своих воспитательских чувств. Но тут оказалось, что есть девятилетние, которые предпочитают шоколадке книгу. Последовавшее затем поразило его еще больше. Мальчик интересовался Китаем. Он читал вопреки воле отца. Слухи о трудностях китайского письма подзадоривали его, вместо того чтобы отпугнуть. Он узнал это письмо с первого

взгляда, хотя никогда не видел его. Экзамен на смышленность он выдержал с отличием. До книги, которую ему показали, он не дотронулся.

Может быть, он стыдился своих грязных пальцев. Кин проверил их: они были чистые. Другой схватил бы и грязными. Он спешил, уроки начинались в восемь, но он оставался на месте до последней секунды. В приглашение он вцепился как умирающий с голоду, — отец, видно, сильно мучил его. Он готов был прийти сразу же днем, в самое рабочее время. Ведь он жил в том же доме.

Кин простил себе этот разговор. Исключение, которое он позволил себе, стоило, казалось ему, затраченных усилий. Исчезнувшего уже мальчика он мысленно приветствовал как будущего синоведа. Кого интересовала эта заброшенная наука? Мальчики играли в футбол, взрослые зарабатывали на жизнь; свободное время они коротали за любовью. Чтобы восемь часов спать и восемь часов ничего не делать, они отдавались остальное время ненавистной работе. Не брюхо, а все тело возвели они в ранг своего бога. Небесный бог китайцев был строже и достойнее. Даже если на следующей неделе мальчик не явится, что маловероятно, у него в голове останется имя, которое трудно забыть, — имя философа Мэна. Случайные толчки, полученные неожиданно, дают людям направление на всю жизнь.

Улыбаясь, продолжил Кин свой путь домой. Он улыбался редко. Это редкость, чтобы кому-то больше всего на свете хотелось владеть библиотекой. Когда ему было девять лет, он мечтал о книжной лавке. Мысль о том, чтобы расхаживать по ней хозяином, казалась ему тогда кошунственной. Книгопродавец — король, король — не книгопродавец. Для служащего, думалось ему, он слишком мал. Мальчишку на побегушках всегда куда-нибудь посылают. Какая ему радость от книг, если он будет только носить их под мышкой в виде пакетов? Он долго искал выхода. Однажды он пошел из школы не домой. Он вошел в самый

большой в городе магазин, шесть витрин книг, и громко заплакал. «Мне нужно кое-куда, поскорей, я боюсь!» — захныкал он. Ему показали нужное место. Он хорошенько запомнил его. Вернувшись, он поблагодарил и спросил, не может ли он немного помочь. Его сияющее лицо позабавило служащих. Еще недавно оно было искажено смешным страхом. Они вовлекли его в разговор; он многое знал о книгах. Они нашли, что он умен для своего возраста. Под вечер они отрядили его с тяжелым пакетом. Он съездил на трамвае туда и обратно. Столько денег он успел накопить. Перед самым закрытием магазина, уже смеркалось, он доложил, что поручение выполнено, и бросил на прилавок расписку. Кто-то дал ему в награду кисленький леденец. Пока служащие надевали пальто, он тихонько прошмыгнул в глубину магазина, к тому надежному месту, и заперся там. Никто ничего не заметил; они все думали, наверно, о свободном вечере. Он ждал там долго. Лишь через много часов, поздно ночью, он осмелился выйти. В магазине было темно. Он стал искать выключатель. Днем он об этом не подумал. Когда он нашел его и уже прикоснулся к нему, он побоялся зажигать свет. Может быть, кто-нибудь увидит его с улицы и ответит домой.

Глаза его сами собой привыкли к темноте. Только читать он не мог, это было очень печально. Он снимал с полок том за томом, листал их и действительно разобрал некоторые названия. Потом он стал пользоваться переносной лестницей. Он хотел узнать, не прячут ли наверху тайн. Он упал и сказал: мне не больно! Пол был твердый. Книги были мягкие. В книжном магазине человек падает на книги. Он мог бы взгромоздить перед собой целую башню, но беспорядок претил ему, и прежде чем снять с полки новую книгу, он ставил на место предыдущую. Спина у него болела. Может быть, он просто устал. Дома он сейчас давно уже спал бы. Здесь это не получалось, волнение не позволяло ему уснуть. Но его глаза перестали разбирать самые крупные заголовки, это раздражало его. Он стал

подсчитывать, сколько лет можно было бы читать здесь, совсем не выходя на улицу и не ходя в дурацкую школу. Почему не остаться здесь навсегда! На маленькую кровать он накопил бы денег. Мать побоялась бы. Он тоже боялся, но только чуть-чуть, он боялся, потому что здесь было так тихо. Газовые фонари на улице погасли. Кругом снова-таки тени. Призраки все-таки существовали. Ночью они все слетались и торчали над книгами. Они читали. Им не нужно было света, у них были такие большие глаза. Теперь он не прикоснулся бы, нет, ни к одной книге сверху, да и внизу тоже. Он подполз под прилавок, стуча зубами. Десять тысяч книг, на каждой торчал призрак. Потому было так тихо. Порой он слышал, как они перелистывают страницы. Они читали в точности так же быстро, как он. Он привык бы к ним, но их было десять тысяч, один мог и уку-ситься. Призраки сердятся, когда до них дотрагиваются, они думают, что над ними глумятся. Он сжался в комок, они пролетали над ним. Утро пришло лишь после множества ночей. Тогда он уснул. Когда служащие открывали магазин, он ничего не слышал. Они нашли его под прилавком и растормошили его.

Сперва он притворился, что еще спит, потом быстро заревел. Они, мол, заперли его вчера, он боится матери, та наверняка везде искала его. Хозяин расспросил его и, узнав его имя, сразу же отправил домой с одним из служащих. Он, мол, просит прощения у дамы. Мальчика по оплошности заперли, но вообще-то все благополучно. Он, мол, передает наилучшие пожелания. Мать поверила и была счастлива. Теперь тот маленький лжец обладал великолепной библиотекой и столь же знаменитым именем.

Кин терпеть не мог лжи; с малых лет он держался истинно. Он не знал за собой ни одной лжи, кроме этой. Она тоже была предана проклятию и забвению. Только разговор со школьником, который показался ему точной копией себя, Кина, в детстве, напомнил о ней. «Долой это, — подумал он, — скоро восемь». Ровно в восемь

начиналась работа, его служение истине. Наука и истина были для него тождественными понятиями. К истине приближаешься, отъединяясь от людей. Обыденность была поверхностным хаосом всяческой лжи. Сколько прохожих, столько лжецов. Поэтому он вовсе не смотрел на них. У кого из дурных актеров, из которых состояла масса, было лицо, способное пленить его? Они меняли лицо каждый миг; ни дня не оставались они в одной и той же роли. Это он знал наперед, опыт был тут излишен. *Его* честолюбие состояло в упорстве нрава. Не только какой-нибудь месяц, какой-нибудь год — всю свою жизнь он оставался одним и тем же. Характер, если им обладаешь, определяет и наружность. С тех пор как он стал думать, он был долговяз и тощ. Свое лицо он знал лишь приблизительно, по стеклам книжных витрин. Зеркала у него дома не было, из-за сплошных книг не хватало места. Но что лицо его было узким, строгим и костистым, он знал; этого было достаточно.

Не испытывая ни малейшего желания замечать людей, он шел с опущенным или высоко над ними поднятым взглядом. Где были книжные магазины, он и так безошибочно чувствовал. Он мог спокойно положиться на свой инстинкт. То, что удается лошадям, когда они трусят домой, в свои конюшни, удавалось и ему. Ведь гулять он ходил, чтобы подышать воздухом незнакомых книг, они вызвали у него желание возразить, они немного освежали его. В библиотеке все шло без запинки. Между семью и восемью часами утра он позволял себе кое-какие из тех вольностей, из которых жизнь прочих состоит целиком.

Хотя он и наслаждался этим часом, он соблюдал порядок. Перед тем как перейти оживленную улицу, он пошел немного. Он любил шагать равномерно; чтобы не торопиться, он выжидал удобную минуту. Кто-то громко крикнул кому-то: «Не скажете мне, где здесь Мутштрассе?» Спрошенный ничего не ответил. Кин удивился; на улице были и кроме него молчаливые люди. Не поднимая

глаз, он прислушался. Как отнесется вопрошающий к этой немоте? «Простите, пожалуйста, не скажете ли вы мне, где здесь Мутштрассе?» Он повысил степень своей вежливости; повезло ему, однако, не больше. Спрошенный не отвечал. «Вероятно, вы не расслышали моих слов. Я хотел справиться у вас. Не будете ли вы столь любезны и не объясните ли мне, как отсюда пройти на Мутштрассе?» Любознательность Кина разыграла, любопытство было ему неизвестно. Он решил взглянуть на молчавшего, при условии, что тот и теперь будет безмолвствовать. Человек этот, несомненно, был погружен в свои мысли и хотел избежать всяких помех. Он опять промолчал. Кин одобрил его. На тысячи один характер, противостоящий случайностям. «Вы что, глухой?» — закричал первый. «Теперь второй в долгу не останется», — подумал Кин, переставая испытывать радость от своего подопечного. Кто сдержит свои уста, когда его обижают? Он повернулся к улице; время пересечь ее наступило. Удивляясь продолжающемуся молчанию, он задержался. Второй все еще не отвечал. Тем более сильной вспышки гнева следовало теперь ожидать. Кин надеялся на спор. Если второй окажется человеком обыкновенным, то он, Кин, неоспоримо останется тем, кем он считал себя: единственным человеком с характером среди здешних пешеходов. Он подумал, не пора ли ему уже взглянуть туда. Событие это происходило справа от него. Там бушевал первый: «Вы не умеете вести себя! Я спросил вас самым вежливым образом! Что вы строите из себя! Вы хам! Вы что, немой?» Второй молчал. «Вы должны извиниться! Плевать мне на Мутштрассе! Любой мне покажет ее! Но вы должны извиниться! Слышите?» Тот не слышал. Поэтому он вырос в глазах прислушивавшегося. «Я отправлю вас в полицию! Знаете, кто я?! Скелет вы несчастный! И такой считает себя образованным человеком! Откуда ваша одежда? Из ломбарда? Такой у нее вид! Что это у вас под мышкой? Я вам еще покажу! В гробу я вас видел! Знаете, кто вы такой?!»

Тут Кина злобно толкнули. Кто-то схватил его портфель и потянул к себе. Рывком, изрядно превосходившим его обычные силы, он вызволил свои книги из чужих лап и резко повернулся направо. Взгляд его был направлен на портфель, но упал на маленького толстяка, ожесточенно кричавшего на него: «Нахал! Нахал! Нахал!» Второй, молчальник и человек с характером, был Кин сам. Он спокойно повернулся спиной к жестикулировавшему невеже. Этим узким ножом он разрезал его брань надвое. Жирный негодяй, чья вежливость в считанные секунды перешла в наглость, не мог обидеть его. На всякий случай он перешел улицу быстрее, чем собирался. Когда носишь с собой книги, надо избегать рукоприкладства. Он всегда носил с собой книги.

Ведь в конце концов ты не обязан откликаться на глупости любого прохожего. Недержание речи — величайшая опасность, угрожающая ученому. Кин предпочитал изъясняться письменно, а не устно. Он владел более чем дюжиной восточных языков. Некоторые западные оказывались понятны сами собой. Ни одна человеческая литература не была чужда ему. Он думал цитатами, писал хорошо продуманными абзацами. Бесчисленные тексты были обязаны ему своим восстановлением. В поврежденных или заглубленных местах древних китайских, индийских, японских рукописей ему приходило на ум сколько угодно всяческих комбинаций. Другие завидовали ему из-за этого, а он должен был отбиваться от избытка. Со скрупулезной осторожностью, месяцами все взвешивая, предельно медленно, строже всего относясь к самому себе, он давал свое заключение о какой-нибудь букве, каком-нибудь слове или целом предложении только тогда, когда был уверен в их неуязвимости. Его опубликованные до сих пор работы, немногочисленные, но каждая из которых служила основой для сотни других, создали ему славу первого китаиста своего времени. Коллеги по специальности знали их досконально, чуть ли не наизусть. Положения, записанные им когда-либо, считались решающими и непреложными.